

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН

На правах рукописи

Галашева Татьяна Николаевна

Литературная история Жития Ефрема Новоторжского

Специальность 5.9.1 – Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2024

Работа выполнена в Отделе древнерусской литературы ФГБУН Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук

Научный руководитель:

Светлана Алексеевна Семячко,

доктор филологических наук, главный научный сотрудник ФГБУН Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук

Официальные оппоненты:

Татьяна Всеволодовна Рождественская,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Александр Львович Лифшиц,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории лингвосомиотических исследований ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”»

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»

Защита состоится 30 сентября 2024 года в 15 часов на заседании диссертационного совета 24.1.114.01 при Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН по адресу: 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Автореферат разослан «__» _____ 2024 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат филологических наук

Вера Владимировна Филичева

Общая характеристика работы

Преподобный Ефрем Новоторжский, как сообщается в его Житии, служил конюшим у святых князей Бориса и Глеба, в память которых построил каменный храм и основал Борисоглебский монастырь в Торжке. В Житии рассказывается также о братьях Ефрема – Георгии Угрине, голову которого Ефрем принес с собой в Торжок, и Моисее Угрине, иноке Киево-Печерского монастыря. Об отроке Георгии Угрине, убитом вместе с князем Борисом (1015 г.), сообщают памятники борисоглебского цикла; Моисею Угрину посвящено слово Киево-Печерского патерика; но о самом Ефреме Новоторжском сведений в ранних источниках нет. Дата преставления Ефрема (1053 г.), появляющаяся в отдельных списках Жития, ставит также вопрос об основании Борисоглебского монастыря до общепринятой даты канонизации святых князей Бориса и Глеба (1072 г.). В то же время первое письменное известие о монастыре относится к 1535 г.¹, Ефрем впервые назван чудотворцем в грамоте 1545/46 гг.²

Житие Ефрема Новоторжского изучалось преимущественно с позиций исторической достоверности. По заключению В. О. Ключевского, существующий текст сохранился «в поздней и плохой редакции, которая состоит из бессвязного ряда статей и всего менее говорит о жизни Ефрема», передает лишь «смутные биографические черты»³. Е. Е. Голубинский также называл Житие «весьма поздним и весьма плохим» и сомневался в возможности насадить христианство в «отдаленных пустынях» в начальные годы русского монашества: «Нам это представляется весьма сомнительным». Голубинский первым поставил вопрос о правдоподобии рассказа о трех братьях-угринах: «Вообще, мы решительно думаем, что основатель монастыря преп. Ефрем, не быв братом Георгия и Моисея Угринов, жил гораздо позднее первой половины XI века»⁴.

В качестве исторического источника Житие Ефрема Новоторжского было использовано в трудах митр. Макария (Булгакова); А. А. Шахматова, И. У. Будовница, П. Д. Малыгина, А. М. Салимова, И. А. Новицкого и др. В отдельных исследованиях Житие привлекалось с некоторыми оговорками, – например, в работах Н. М. Карамзина, П. М. Строева, П. С. Стефановича, В. Легких и др. О трех братьях-угринах, бежавших от католической экспансии, писали архиеп. Филарет (Гумилевский), И. Феринц, Р. Дьёрдь, В. В. Лепяхин. Выводы о ранних русско-венгерских связях могут быть справедливыми по отношению к Георгию и Моисею Угринам, которых Киево-Печерский патерик

¹ Жалованная грамота царя Ивана Васильевича 1535 г. «Борисоглебского монастыря игумену Тихону з братиею что в Торжку на посаде» (*Веригин Е. А.* Грамоты Новоторжского мужского Борисоглебского монастыря. Тверь, 1903. С. 9).

² «Да после моего живота дать приказчиком моим деревня Гумнищо в Торжок в монастырь святым чудотворцем Борису и Глѣбу и святому чудотворцу Ефрѣму», – Духовная Федора Никитина сына Лавровского 1545–46 гг.: РГАДА, ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии), № 8333/5 (*Антонов А. В.* Описание грамот Коллегии экономии: В 3 т. М., 2018. Т. 2. С. 610).

³ *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 335–336.

⁴ *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т. 1: Период первый, Киевский или домонгольский. Вторая половина тома. М., 1904. С. 757–758.

действительно называет братьями⁵. Что касается Ефрема Новоторжского (в источниках не встречается его именование Ефремом Угрином), то его имя кажется присоединенным к первым двум значительно позднее.

Единственным исследованием, в котором Житие было рассмотрено как литературный текст, является диссертация В. В. Кузнецова «Предания Верхневолжья в контексте жанров русской словесности»⁶. В. В. Кузнецов видит в образе Ефрема черты культурного героя, высказывает справедливые сомнения «в самом факте службы Моисея и Ефрема князю Борису и в наличии родственных связей между Ефремом, Моисеем и Георгием»⁷; показывает близость сюжета Жития с другим верхневолжским преданием – об основании города Зубцова тремя братьями.

Малоизученность Жития отразилась и в справочных статьях о Ефреме Новоторжском в «Словаре книжников и книжности Древней Руси»⁸ и «Православной энциклопедии»⁹, в которых основание монастыря датируется 1038 г., автором Жития назван священноинок Иоасаф, а создание текста отнесено к 1572 г. Все эти даты и имена берут начало в церковно-исторической литературе XIX в. и не обусловлены рукописной традицией. Иная версия об авторстве текста также возникла в XIX в.: иеромонах Илиодор называет автором Жития первого архимандрита Борисоглебского монастыря Мисаила, служение которого совпало со временем обретения мощей Ефрема при архиепископе Великого Новгорода и Пскова Леониде (1571–1575 гг.)¹⁰. Это объяснение, опирающееся на текст Жития, принято и в некоторых других работах¹¹.

Остается неизученной и текстологическая история памятника. В 1960 г. И. У. Будовниц опубликовал фрагмент Жития «под условным названием “Повесть о разорении Торжка в 1315 г.”»¹², датировав его XIV в. Механическое извлечение из Жития «Повести о разорении Торжка», никогда не имевшей самостоятельного бытования, повлекло за собой неубедительные текстологические выводы. Позднее Г. С. Гадалова убедительно показала, что в

⁵ Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик / Подгот. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М., 1999. С. 48.

⁶ Кузнецов В. В. Предания Верхневолжья в контексте жанров русской словесности. Дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005.

⁷ Там же. С. 34.

⁸ Дробленкова Н. Ф. Житие Ефрема Новоторжского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). С. 148–150.

⁹ Кузьмин А. В., Зеленина Я. Э. Ефрем // ПЭ. М., 2008. Т. 19. С. 41–45.

¹⁰ Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 36.

¹¹ Илиодор, иеромон. Историко-статистическое описание Новоторжского Борисоглебского монастыря. Тверь, 1861. С. 81–83; Колосов И. Новоторжский Борисоглебский монастырь. СПб., 1890. С. 75–76 и др.

¹² Будовниц И. У. Повесть о разорении Торжка в 1315 г. // ТОДРЛ. М., Л., 1960. Т. 16. С. 446–451.

Житии описано не разорение Торжка в 1316 г. князем Михаилом Ярославичем, но нападение Михаила Александровича Тверского на Торжок в 1372 г.¹³.

Дальнейшее изучение текста Жития Ефрема Новоторжского двигалось главным образом по пути разыскания и опубликования отдельных рукописных источников. Несмотря на то что отдельные списки Жития известны, связи между ними еще не были изучены. Текстологическая история Жития все еще нуждается в специальном исследовании, как и вопрос об исторической достоверности сообщенных в нем сведений.

Таким образом, **актуальность** темы обусловлена недостаточной изученностью текста Жития, целым рядом неразрешенных вопросов, связанных с историей Ефрема Новоторжского, неточными датами и именами, получившими распространение в историографии.

Цель диссертационного исследования состоит в комплексном изучении истории почитания святого. Центральное место в работе отведено литературной истории Жития Ефрема Новоторжского, попутно рассмотрены неразрывно связанные с Житием тексты: чудеса, Сказание о перенесении мощей, Молитва, Служба, Запись об обретении мощей Аркадия Новоторжского (ученика Ефрема) и другие.

Новизна диссертации определяется введением в научный оборот новых материалов, в первую очередь рукописных, и анализом полной рукописной традиции Жития и связанных с ним текстов, тогда как до сих пор публиковались и привлекались к исследованию только отдельные списки памятника. Кроме того, Житие Ефрема Новоторжского рассматривается в работе как литературный текст, тогда как прежде в большинстве случаев рассматривалось лишь как вызывающий сомнения исторический источник. Между тем, именно анализ истории текста и развития составляющих его сюжетов от редакции к редакции позволяет судить о достоверности тех или иных исторических сведений, а также увидеть в этом тексте своеобразные черты, представляющие одну из линий развития русской агиографии.

Достижение поставленной цели предполагает решение ряда **задач**:

- выявить максимально возможное количество списков Жития Ефрема Новоторжского и круг рукописей, связанных с почитанием святого;
- проанализировать соотношение различных редакций Жития, установить историю текста;
- рассмотреть, как изменяются в процессе редактирования отдельные сюжеты Жития, какова причина этих изменений;
- определить жанровые особенности текстов;
- проследить историю почитания Ефрема Новоторжского от первых свидетельств до позднейших преданий, отразившихся в краеведческой литературе.

¹³ Гадалова Г. С. К вопросу о походе под Торжок великого князя Михаила Ярославича Тверского в 1316 г. (текстологический анализ Жития преподобного Ефрема Новоторжского) // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2015. № 4 (62). С. 30–34.

Методологической основой диссертации является разработанный школой Д. С. Лихачева метод текстологического исследования древнерусских памятников, которым постулируется «исторический взгляд на произведение, изучение его в динамике, а не в статике»¹⁴. Изучению текстов предшествовало палеографическое и кодикологическое исследование содержащих их рукописей. При анализе текста Жития и других текстов, связанных с почитанием Ефрема Новоторжского, были использованы историко-литературный, сравнительно-исторический и источниковедческий подходы.

Литературная история Жития Ефрема Новоторжского являет собой пример развития русской агиографии в отдельно взятом монастыре, причем «некнижном»: в текстах отражаются возникновение, подъем, расширение почитания местночтимого святого в XVI–XVIII вв. С этим связаны **теоретическая и практическая значимость** работы. Выводы диссертации могут быть использованы в научных исследованиях и учебных курсах по истории древнерусской литературы и, в частности, по истории русской агиографии. Результаты работы и введенные в научный оборот документы могут представлять интерес для филологов, историков и краеведов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Житие Ефрема Новоторжского было создано в 1580-е гг. архимандритом Новоторжского Борисоглебского монастыря Мисаилом. Житие известно в нескольких редакциях. Ближе всего к архетипу Краткая редакция, сохранившаяся в трех списках, каждый из которых представляет отдельный вариант текста. Сравнение вариантов позволяет предположить, каким был текст архимандрита Мисаила: среди его источников могли быть одна из новгородских летописей (в описании разорения Торжка князем Михаилом в 1372 г.) и Киево-Печерский патерик (в истории трех братьев-угринов). Кроме того, Мисаил пересказывает устные предания, сообщенные старцами Иоасафом и Парфением.

2. Мисаил описывает также убранство каменного Борисоглебского храма, по преданию, созданного самим Ефремом, утраченного в 1784 г. Фреска, изображающая Ефрема с храмом в руках, позволяет увидеть в нем ктитора храма, а Деисус над ракой по описанию подобен Деисусу Мартирьевской паперти в Софийском соборе. Эти детали соответствуют времени основания Борисоглебского храма, предложенному археологами и искусствоведами, – конец XII – начало XIII вв. К этому же времени, в таком случае, следует относить время жизни самого основателя каменного храма – преподобного Ефрема.

3. Имелись ли фактические основания для предания о том, что Ефрем был угрином, неизвестно. Предание о трех братьях-угринах, скорее всего, было топонимической легендой, проясняющей название Борисоглебского монастыря. Двойное захоронение в раке Ефрема стало поводом для воспоминания о главе Георгия Утрина, служившего князю Борису. В изложении этого предания в

¹⁴ Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X–XVII вв. 3-е изд. (при участии А. А. Алексеева и А. Г. Боброва). СПб., 2001. С. 43.

различных редакциях Жития используются бродячие сюжеты и традиционные мотивы.

4. Монастырь, вероятно, находился в запустении до второй трети XVI в. Канонизация Ефрема, скорее всего, состоялась по инициативе архиепископа Новгорода и Пскова Леонида (1571–1575), о чем сохранились свидетельства в более поздней Пространной редакции Жития. Ефрем стоит в ряду новых новгородских чудотворцев, канонизированных при Леониде (Иакова Боровичского, праведной девы Гликерии), а также продолжает ряд вновь прославленных при архиепископе Пимене древних святых (епископа Никиты, братьев Алфановых). Опала Леонида могла задержать канонизацию Ефрема Новоторжского, которая состоялась в 1584–1586 гг.

5. Тем же архимандритом Мисаилом была создана бденная Служба Ефрему Новоторжскому (на 28 января), в которой преподобный назван очевидцем убиения Бориса и Глеба (но о братьях Ефрема в Службе не сообщается). Служба полностью собрана из фрагментов служб русским святым – и сложена достаточно искусно.

6. В середине XVII в. было закончено создание Пространной редакции Жития, сопровождавшейся Похвалой и девятью чудесами. Житие в этой редакции разделено на главки, насыщено библейскими цитатами и топосами, но сохраняет весьма своеобразные черты, так и не становясь полноценным преподобническим житием. В Пространную редакцию входит также Сказание о царе Симеоне Бекбулатовиче, в котором Ефрем является в видении архимандриту Мисаилу. В этом тексте Ефрем впервые предстает не как древний подвижник, а как близкий для жителей Торжка заступник. Пространная редакция могла быть составлена при архимандрите Ионе Волкове (1609–1637 гг.), постриженнике Чудова монастыря, и окончена при архимандрите Евфимии (1637–1652 гг.), при котором к Житию были добавлены два последних чуда после Похвалы.

7. Второй вариант Пространной редакции создается в 1680-е гг. и дополняется в 1690-е гг. В нем появилось отождествление Торжка с Коростенем, проведена лексическая правка. Житие дополнено тремя чудесами и Сказанием о перенесении мощей. В это же время оформляется почитание ученика Ефрема – преподобного Аркадия Новоторжского, культ которого появился еще в первой половине XVII в. и был объединен впоследствии с культом юродивого Аркадия Вяземского. На протяжении XVII в. Ефрем остается местночтимым святым.

8. Все поздние редакции Жития исправляют хронологическую непоследовательность и композиционную сложность Пространной редакции. Формирование сюжета о святом продолжается в церковно-исторической и краеведческой литературе вплоть до современности. Ефрему приписывается обладание иностранными реликвиями, со святым связываются локальные предания о странноприимном доме, о трех крестах в основании храма.

Апробация работы. Основные положения работы были представлены в докладах на международных и всероссийских научных конференциях, таких как: международная научная конференция «Пятое Лихачевские чтения. Русская культура: история и экология» (Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»,

28.09–01.10.2016); Пятый агиографический семинар (ИРЛИ РАН, 12.12.2016); международная научная конференция «Авраамиевские слушания 2019. Чтения по истории и культуре Древней Руси» (Смоленск, 11.09–13.09.2019); конференция молодых ученых «Вопросы славяно-русского рукописного наследия» (ИРЛИ РАН, 2–3.10.2019); 50-я Международная научная филологическая конференция имени Л. А. Вербицкой (СПбГУ, 15–23.03.2022); научная конференция, посвященная памяти доктора филологических наук О. В. Творогова (ИРЛИ РАН, 11.10.2023); Двенадцатый агиографический семинар (ИРЛИ РАН, 6.12.2023); конференция молодых ученых «Славяно-русское рукописное наследие и кириллическая печатная книга» (ИРЛИ РАН, 22–24.04.2024). Работа обсуждалась на заседании Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН (3.05.2023 г.).

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, двух приложений, археографического обзора привлеченных к исследованию рукописей, списка литературы и списка сокращений.

Основное содержание работы

Во *Введении* рассмотрена историография вопроса, охарактеризован круг источников и методы исследования, обозначены цели и задачи работы.

Глава 1 «Текстологический анализ Жития Ефрема Новоторжского» посвящена истории текста памятника. Терминологию И. У. Будовница, выделившего Первую и Вторую редакции «Повести о разорении Торжка» (являющейся фрагментом Жития), предлагается заменить на более нейтральную – Пространная и Краткая редакции Жития соответственно. Сопоставление текстов показывает первичность Краткой редакции, в которой автор-архимандрит говорит о себе от первого лица, и вторичность украшенной библейскими цитатами и топосами Пространной редакции, в которой речь автора-архимандрита передана в третьем лице. Наиболее вероятным автором Жития является архимандрит Мисаил (1572–1588 гг.), наиболее вероятным временем составления текста – 1580-е гг.

Краткая редакция сохранилась в трех списках, представляющих собой три разных варианта текста: *Дополненный*, *Месяцесловный* и *Поздний* (публикуются в сопоставительной таблице). *Дополненный* вариант списка БАН, П I А № 29 (1640-1660-е гг.) из библиотеки князя Д. В. Ромодановского отличается вставками: летописными выписками в начале текста, содержащими дату преставления Ефрема (1053 г.) и дату нападения на Торжок князя Михаила (1316 г.), сообщениями о древней Службе Ефрему, сложенной «благоискусными мужами Торжка», и об ученике Ефрема Аркадии и др. Перечисленных сведений нет в двух других вариантах Краткой редакции, что позволяет считать эти дополнения поздними вставками, отсутствующими в архетипе текста. В рукописи также содержится «Сказание о трех братьях-угринах», известное в единственном списке.

Поздний вариант Краткой редакции (РГБ, ф. 98 (собр. Е. Е. Егорова), № 1446, начало 1680-х гг.) является частью текста Компильтивной редакции, в которой он дополнен Проложным житием (по Прологу 1661 г.). Рукопись происходит из Торжка и была создана вблизи Новоторжского Борисоглебского монастыря. В тексте случилась перестановка, – таким образом, и список Егор. 1446 не отражает последовательно текст архетипа.

В *Месяцесловном* варианте (ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 723, середина XVII в.) текст значительно сокращен, в нем утрачены высказывания от первого лица, опущены местные подробности. Несмотря на сокращения, *Месяцесловный* вариант содержит новые по сравнению с *Дополненным* вариантом сведения. Те же сведения читаются в *Позднем* варианте Краткой редакции: об отсутствии в монастыре Службы Ефрему («и пѣли Службу Ефрѣму Сирину» – Барс. 723; «и преподобному Службу общую творили, и литию пѣша» – Егор. 1446); о Деисусе над ракой преподобного и об иконе, изображающей Ефрема Новоторжского рядом со святыми князьями Борисом и Глебом. Эти сведения, вероятнее всего, присутствовали в архетипе текста.

В Дополненном варианте Житие сопровождается двумя чудесами (второе чудо обрывается, листы утрачены); в Месяцесловном – пятью; в Позднем – семью. При сравнении становится очевидным наличие неизвестных промежуточных звеньев в истории текста. Ни один из трех списков не отражает Краткую редакцию в ее оригинальном виде.

Все списки *Пространной редакции* сохранили особенности, близкие к Дополненному варианту Краткой редакции: упоминание князя Афанасия, ученика Аркадия, древней Службы Ефрему; отсутствие сведений об иконе, изображающей Ефрема со св. Борисом и Глебом. В то же время «Сказание о трех братьях-угринах», присутствующее в списке П I А 29, не отразилось в Пространной редакции.

Автор Пространной редакции называет себя «многогрѣшным калугером». История разделена на несколько главок, чудеса получили заглавия (тогда как в Краткой редакции они были только пронумерованы), всем чудесам предпослано неизвестное по Краткой редакции «Сказание о царе Симеоне».

Пространная редакция известна в двух вариантах: *Первый вариант* с девятью чудесами и Похвалой был окончен, вероятно, около 1647 г., которым датировано последнее чудо, при архимандрите Евфимии (11 списков). Вполне возможно, что Похвала и два чуда были присоединены к готовому комплексу Жития в Пространной редакции, созданному еще до архимандрита Евфимия, при архимандрите Ионе Волкове (1609–1637). *Второй вариант* был составлен около 1681 г., когда было записано чудо об Алексее Рожнове (22 списка). Второй вариант содержит от 10 до 12 чудес, Похвала переименована в Слово похвальное. В тексте сокращаются риторические плеоназмы, исправляются цитаты и акцентируются важные понятия («великие князья российские»; «святая Божия Церковь»), а также добавляется отождествление Торжка с Коростенем. Если правка текста Пространной редакции была осуществлена, скорее всего, при архим. Сергии (1680–1682), то большинство дополнений к нему было сделано уже при архим. Тарасии в 1682–1695 гг.

Важно отметить, что Житие в Первом варианте Пространной редакции не дополнялось ни молитвой Ефрему Новоторжскому, ни записью об обретении мощей Аркадия Новоторжского, ни Службой Аркадию Новоторжскому, ни Службой на перенесение мощей Ефрема Новоторжского, – все эти тексты дополняют только Второй вариант. По составу дополнений выделяется четыре вида Второго варианта Пространной редакции (представлены на стемме).

И Первый, и Второй вариант Пространной редакции переписывались не только в составе сборников, но также в составе монографических сборников XVII–XVIII вв., содержащих Житие и Службу Ефрему Новоторжскому. Только в трех рукописях Первого варианта и в четырех рукописях Второго варианта Житие было переписано без Службы. Во всех остальных 26 рукописях Пространной редакции Житие и Служба составляли единый комплекс.

В работе коротко описано содержание *чудес* Ефрема Новоторжского. Комплекс из пяти первых чудес представляется наиболее ранним (чудо о бездожде, о Демиде Черемисине, два чуда о Борисе Хованском – боярине

Симеона Бекбулатовича, чудо о жене Анне). Среди чудес, перешедших из Краткой редакции в Пространную, наиболее интересно Чудо второе о перевозке казны «царевым посланником» по реке и о жестоких правящих в Борисоглебском монастыре в Торжке: в Краткой редакции героем чуда был Демид Черемисин, в Пространной имя Демида было заменено именем его брата – Дементия Черемисина.

Последние разделы Первой главы посвящены позднейшим редакциям Жития Ефрема Новоторжского. *Проложное житие*, включенное в печатный Пролог 1661 г., представляет собой последовательный рассказ о трех братьях: Георгии Угрине, Моисее Угрине и Ефреме Новоторжском. Текст составлен на основании Пространной редакции, содержит несколько неточностей: годом преставления Ефрема назван 1015 г., река названа Тверью, а не Тверцой и др.

Проложное житие Ефрема Новоторжского в сокращенном виде вошло в *Латухинскую Степенную книгу* 1676 г. (на это обратил внимание В. В. Кузнецов). В Степени первой Ефрему посвящена отдельная глава – «Глава 33. О Ефремѣ Новоторжском». Глава о Ефреме размещается сразу после главы о страдании Бориса и Глеба и берет на себя функцию описания подробностей убийства князя Бориса и отрока Георгия. Преставление Ефрема датировано 1018 г.

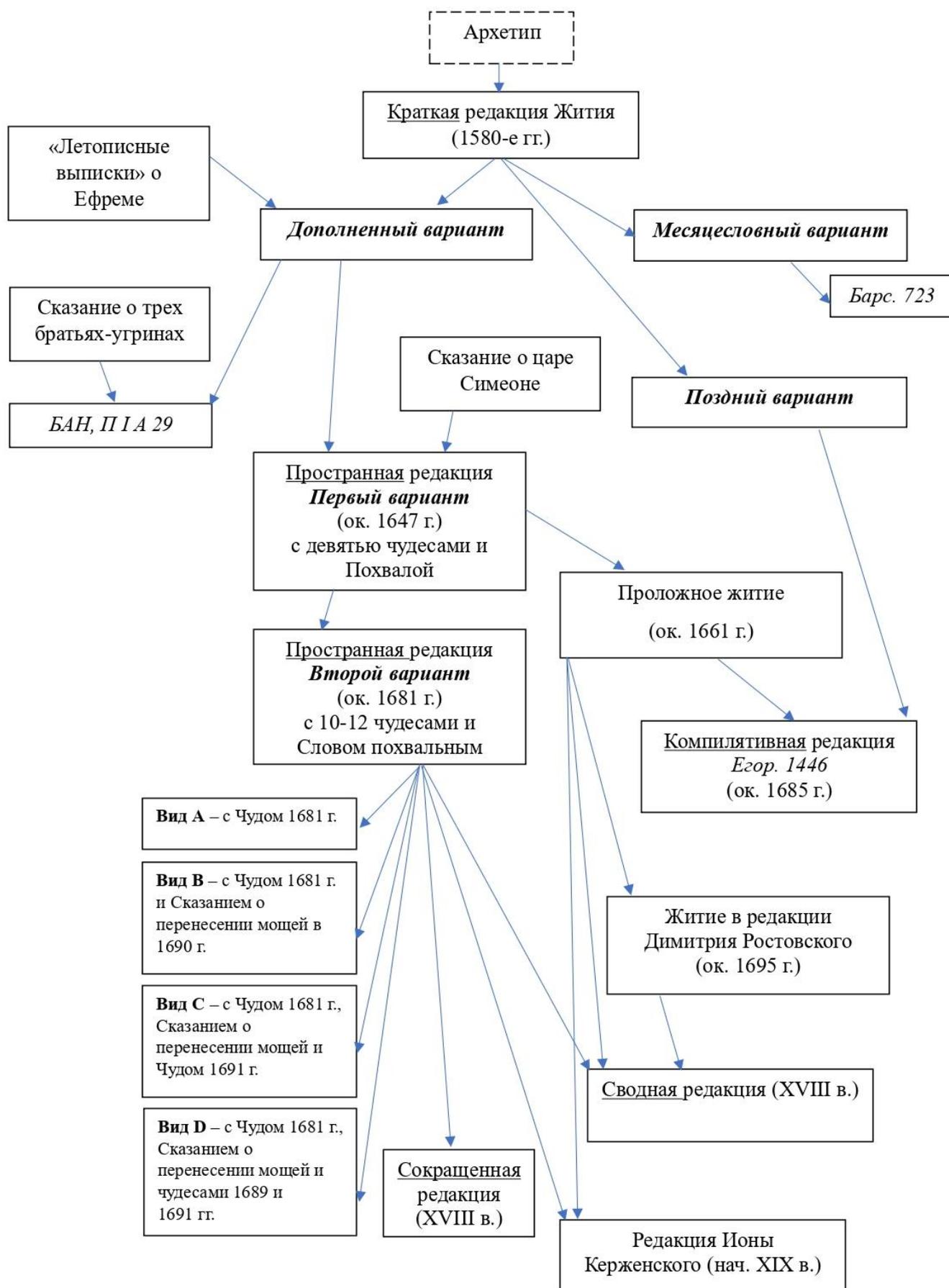
Компилятивная редакция (Егор. 1446) соединяет Проложное житие с Поздним вариантом Краткой редакции. Составитель редакции исправляет неточности Пролога (так, год преставления Ефрема исправлен на 1053 г., согласно Пространной редакции), что позволяет предполагать изменения и во второй части текста.

Житие Ефрема Новоторжского вошло в «Жития святых» Димитрия Ростовского (1695 г.). Основным источником для *редакции Димитрия Ростовского* было Проложное житие, которое было им сокращено и перестроено. В свободном пересказе Димитрия исправлены стилистические недочеты Проложного жития, но сохранились фактические ошибки: 1015 г. и др.

Известны также три редакции Жития, составленные в XVIII–XIX вв. Обнаруженная нами *Сводная редакция* (2 списка) основана на Житии в изложении Димитрия Ростовского, при этом начало текста ориентировано на Проложное житие, а окончание текста, описывающее монашеские подвиги Ефрема и Аркадия, преставление и обретение мощей Ефрема, взято из Пространной редакции. Новой подробностью Сводной редакции стал точный подсчет лет жизни Ефрема между двумя известными по Пространной редакции Жития датами его биографии (1015 и 1053), а также подсчет лет до обретения мощей святого (в отдельных списках Пространной редакции и в Сводной редакции обретение мощей датируется 1572 г.). В тексте добавлены сведения об Аркадии, о странноприимничестве Ефрема; река «Тверь» переименована в «Тверцу», – все это заставляет предполагать местное происхождение редакции. Рукописная Сводная редакция, таким образом, объединяет авторитетный печатный текст с важными для местной традиции исправлениями и дополнениями (по этому же принципу строилась Компилятивная редакция).

Сокращенная редакция, введенная в научный оборот Г. С. Гадаловой, представляет собой мозаичную композицию из фрагментов Пространной редакции (в том числе Похвалы, чудес, Сказания о перенесении мощей), в которой повествованию возвращена хронологическая последовательность. *Редакция Ионы Керженского* (нач. XIX в.), как и Сокращенная редакция, выстраивает сюжет Жития в хронологическом порядке. Основные источники старообрядческого книжника – Пролог и Второй вариант Пространной редакции. Особое внимание, как и в Сводной редакции, уделено каноническим фрагментам Жития.

Взаимосвязь редакций Жития представлена на стемме:

Глава 2 «Житие Ефрема Новоторжского как литературный текст» посвящена истории отдельных сюжетов, изменяющихся в процессе редактирования текста. В **первом разделе** главы рассмотрены два предания, составляющие основу агиографического памятника: о трех братьях-угринах и о главе Георгия Утрина.

Эти предания, согласно сюжету *Краткой редакции*, были сообщены автору-архимандриту священноиноком Иоасафом Юрьева монастыря и подтверждены иконописцем Парфением. Рассказ имеет текстуальные совпадения со вступлением к Слову о Моисее Утрине Киево-Печерского патерика. О том, что находящаяся в раке Ефрема вторая голова принадлежит Георгию Утрину, в *Краткой редакции* говорилось предположительно: «мы вѣру имем, яко та есть глава святого Георгия, брата Ефрѣмля» (П I А 29). В Сказании о перенесении мощей Ефрема в 1690 г. говорится о перенесении в новую раку не только главы, но «и протчих костей Георгиевых», что заставляет предполагать двойное захоронение в раке.

Предание о голове, принесенной издалека, лежащей в основании Борисоглебского монастыря, можно отнести к ряду текстов о главе, положенной в основание прочного царства (мотив строительной жертвы). Предание соответствует также культурному контексту своего времени: возросшему в царствование Ивана Грозного значению культа Иоанна Предтечи и символа усеченной главы.

Сюжет о трех братьях-чужеземцах, пришедших на Русь и послуживших ей, также имеет устную природу. Сюжет строится по модели этиологических легенд о братьях-основателях, братьях – культурных героях: «A15.2. Brothers as creators», «A515.1. Culture heroes brothers» (в классификации мотивов С. Томпсона); «Три искусных брата» (СУС 654). В Индексе средневековых религиозных сюжетов Ф. Тубаха сходен с Житием сюжет № 803 «Три брата становятся монахами»: братья посвящают себя разным сторонам христианской добродетели (миротворчеству, посещению больных, отшельничеству). Подобным образом выглядит история братьев-угринов: Георгий становится страсотерпцем за верность князю, Моисей являет образец целомудрия, Ефрем создает странноприимный дом и основывает монастырь.

Известное в единственном списке *Сказание о трех братьях-угринах* (П I А 29) было составлено, вероятно, в середине XVII в. В этом тексте глава Георгия впервые предстает как монастырская святыня и именуется «честной главой». Основными источниками Сказания являются летопись (рассказ о Георгии Утрине) и Киево-Печерский патерик (рассказ о Моисее Утрине).

В *Пространной редакции* слова Иоасафа (занимавшие лишь несколько строк в *Краткой редакции*) превратились в две отдельные главки: первая развернуто повествует о Моисее, вторая – о Георгии и об обретении Ефремом его главы. Составитель *Пространной редакции* также работал и с Патериком, и с летописью, но прямых заимствований в его тексте мало. Рассказ о Ефреме, обретшем главу убитого брата, дополнен в *Пространной редакции* новыми мотивами: узнавание по примете, плач над телом, тайное хранение главы в воспоминание о близком. Если принесение братом главы брата могло быть

частью воинского этикета (как в Повести о разорении Рязани Батыем), то тайное хранение головы у себя – новеллистический сюжет, характерный для изображения несчастной любви (Декамерон, день четвертый, новелла пятая; «Эльф розового куста» Г. Х. Андерсена и др.).

Итак, сведения о Георгии и Моисее были почерпнуты из книжных источников, однако три брата-угрина были объединены в сюжете, имеющем устную природу. Если Краткая редакция, по-видимому, целиком основывалась на вступлении к Слову о Моисее Угрине, то в Сказании о трех братьях-угринах и в Пространной редакции привлекался также текст летописной повести. Составители редакций Жития не использовали Сказание о Борисе и Глебе, в котором образ Георгия Угрина прописан выразительнее, чем в других текстах (и, кроме того, содержится чудо Георгия). Вероятно, народного почитания отрока Георгия не существовало, поэтому «глава Георгия» в Пространной редакции утратила семантику святыни, стала символом братских чувств.

Во **втором разделе** главы рассматривается предание об утраченной рукописи. Оно объясняет необходимость составления нового Жития и, вероятно, является реализацией агиографического топоса: тот же сюжет о потерянной или украденной рукописи появляется в целом ряде агиографических текстов.

Предание об утрате «древнего писания» о Ефреме опирается на городскую память о страшном разорении Торжка князем Михаилом («злая пагуба содѣяся граду Торшку»). Текст Пространной редакции не дает однозначного ответа, о нападении какого из тверских князей идет речь в Житии Ефрема Новоторжского: благоверного князя Михаила Ярославича 10 февраля 1316 г. или князя Михаила Александровича 31 мая 1372 г.

История текста показывает, что дата разорения Торжка в 1316 г. и летописная выписка о князе Афанасии читается лишь в *Дополненном варианте Краткой редакции*. Таким образом, датирование событий временами Михаила Ярославича произошло, очевидно, не при создании Краткой редакции, а при подготовке ее *Дополненного варианта*. В двух других вариантах Краткой редакции говорится только о тайном приходе князя Михаила («Нѣкогда бо князь Михаил собра войско и прииде на град Торжек тайно», Барс. 723).

В основе *Пространной редакции* лежал текст *Дополненного варианта Краткой редакции*, однако дата нападения на Торжок князя Михаила при заимствовании была опущена (вероятно, чтобы не связывать это событие с Михаилом Ярославичем Тверским после обретения мощей святого в 1634 г.).

Подробности разорения города, как показала Г. С. Гадалова, находят соответствие в летописной статье о действиях тверского князя Михаила Александровича 6880 г. (1372 г.). Все три варианта Краткой редакции близки в этой части текста, что позволяет предполагать летописное заимствование в архетипе. Жестокие подробности о черницах и девицах, спасающихся в реке и тонущих, опускались в протверских летописных записях и сохранились только в новгородских известиях. Можно утверждать, что составитель Краткой редакции Жития ориентировался на новгородские летописи. Однако сама новгородская тема в Житии опущена.

Итак, в Житии Ефрема Новоторжского описано разорение города Михаилом Александровичем Тверским. Отмечаемое исследователями противостояние двух святых (Михаила Ярославича – Ефрему Новоторжскому) – обстоятельство в известной мере случайное. 1316 год появился в единственном списке Краткой редакции одновременно с летописными выписками, предварявшими Дополненный вариант. В Пространную редакцию дата не была перенесена, однако осталось упоминание о противнике Михаила Ярославича – новгородском князе Афанасии. Этот оставшийся в Житии знак вряд ли мог считываться всеми читателями как указание на Михаила Ярославича; он представляется нам непреднамеренным. В обнаруженном нами монастырском Синодике 1638 г. князь Михаил Тверской поминается среди «великих князей и всея Руси».

В третьем разделе ставится вопрос о жанровых особенностях Пространной редакции, о поэтике этого текста. Своеобразие Пространной редакции объясняется ее прочной зависимостью от текста Краткой редакции, желанием составителя полностью сохранить текст-предшественник и при этом создать каноническое житие.

Композиция Краткой редакции была телеологична: отсутствие «древнего писания» о Ефреме, о котором повествовалось на протяжении всего текста, компенсировалось в его кульминационной вершине – рассказе инока Иоасафа о трех братьях. Письменная история Ефрема была утрачена, но повествование завершалось обретением устного предания о святом. Краткая редакция в некоторой мере представляла собой текст о тексте.

Перед составителем Жития в его Пространной редакции стояла другая задача: создать жизнеописание святого. Текст построен по традиционному для агиографии анфиладному принципу. За обширным вступлением (в котором пересказана Краткая редакция) следуют пять главок (материалом для которых стал короткий рассказ Иоасафа о трех братьях, дополненный традиционными мотивами) и посмертные чудеса. Зависимость Жития от претекста породила повторы и хронологическую путаницу в событиях: во вступлении и первой главке говорится о том, что происходило в монастыре много позже его основания. Этот недостаток Пространной редакции были исправлен в поздних редакциях.

Анализ *риторического вступления* показывает некоторую свободу и необязательность, с которой в тексте используются агиографические топосы и библейские цитаты. Житие в Пространной редакции, хотя и стремится быть похожим на преподобнические жития, все же не содержит последовательного рассказа о духовном пути святого, традиционные мотивы распределены неравномерно. Изображение Ефрема во вступлении – первый из двух канонических фрагментов текста (второй заключен в последних главках Жития – «О преставлении преподобнаго» и «О проявлении честных мощей»). Древнему подвижнику приписан мотив любви к книгам: выстраивается соответствие между Ефремом (основателем монастыря) и архимандритом Мисаилом (автором Краткой редакции, первым архимандритом в монастыре). Риторическая часть вступления завершается прямой речью-наставлением святого (второй случай

столь же этикетной прямой речи Ефрема появляется в предсмертном наставлении).

Своеобразие использования *топики* житий преподобных в Житии Ефрема Новоторжского отметила уже Т. Р. Руди: так, традиционная формула ухода святого в монастырь («окрилатистев ум свой») в Житии использована в эпизоде о чтении царю и митрополиту «писания о преподобном». Смещение в использовании топоса показывает, что является событием в тексте: не то, что Ефрем становится монахом (это событие не отражено в Житии), но то, что были записаны и приняты его житие и чудеса.

Подчеркнутая временная дистанция, отделяющая агиографа от древнего подвижника, позволяет не отражать большую часть традиционного пути святого. Однако некоторые устойчивые формулы и мотивы в Житии все же используются: мотивы усердного посещения церковной службы, обхождения мест перед основанием обители, отеческой любви игумена к братии, предсмертного наставления святого братии, плача великого о преставлении игумена. Очевидно, что при отсутствии основных топосов преподобнического жития, текст все же ориентирован на монашескую среду.

Библейские цитаты не использовались в Краткой редакции Жития Ефрема Новоторжского; автор Пространной редакции перемежает заимствованный текст библейскими цитатами. В двух фрагментах Жития содержатся цитатные периоды: ими отмечены сюжеты о разорении Торжка князем Михаилом и о разграблении монастыря Деменшей Черемисином (можно предположить, что библейскими цитатами, и особенно цитатными периодами, усиливаются значимые для автора фрагменты текста).

В Житии появляются также цитаты-ссылки, уподобляющие действующих лиц ветхозаветным героям. Во всех случаях можно отметить неточность уподобления: князь Михаил сравнивается с Иисусом Наввином, служба Ефрема Борису и Глебу – со служением фараону.

Итак, Краткая редакция прорастает сквозь текст Пространной не только содержательно, в прямых заимствованиях, но также и в расстановке смысловых акцентов: обретение истории святого является одним из важнейших событий Жития. Если в Краткой редакции таким «обретением» было устное предание Иоасафа, то в Пространной – письменное житие, созданное Мисаилом, а также труд, предпринятый самим составителем Пространной редакции. Можно сказать, что авторы текстов о Ефреме выступают более рельефно, чем сам святой. Этикетные чувства древнего подвижника не находят отражения в Житии, в его прямой речи звучит лишь поучение братии.

Исключением является фрагмент «О главѣ Георгиевѣ, брата преподобнаго Ефрѣма», в котором святой впервые предстает действующим лицом, испытывает братскую привязанность к Георгию Угрину. Этот новеллистический по своей природе текст является литературным созданием автора Пространной редакции. Впрочем, эта особенность главы о Георгии Угрине, не проявленная на других участках текста, усиливает его лоскутный характер.

К новому типу житий XVII в. Житие Ефрема Новоторжского приближается и более свободной композицией, отсутствием традиционной схемы

преподобнического жития: все канонические формулы распределены по двум фрагментам текста. Вольное обращение автора с топосами и библейскими цитатами, неполное использование их поэтического потенциала говорит о том, что Житие вряд ли было ориентировано на образцы книжной агиографии. В то же время автор Жития Ефрема Новоторжского несомненно владел необходимым для написания агиографического текста языком, обладал «церковной памятью».

Обстоятельства обретения в монастыре древних мощей Ефрема делают его отчасти «святым без жития». Но культ Ефрема был церковный по происхождению, а не народный (и, видимо, так и не получил продолжения в народном почитании). В канонических фрагментах Жития Ефрема большое значение имеет идея поучения, наставления монашескому подвигу. Канонические фрагменты чередуются с живым повествованием, темп произведения неравномерен. Можно сказать, что и легендарная повесть, и житие в этом тексте не развиваются в полную силу, накладывая ограничение друг на друга. И в этом – особая природа этого текста, который можно отнести к литературным.

Последний раздел второй главы посвящен самому необычному чуду Ефрема Новоторжского – *Сказанию о царе Симеоне Бекбулатовиче*. «Сказание о царе Симеоне» отсутствует в первоначальной Краткой редакции и появляется только в Пространной, предшествуя всем остальным чудесам. В «Сказании...» описано, как Ефрем явился в тонком сне архимандриту Мисаилу, – автор первоначального Жития, таким образом, предстает как один из героев чуда.

Чудо рассказывает не об историческом Симеоне Бекбулатовиче, но о некоем «царе Симеоне». Симеон именуется в тексте царем «Казанским» (а не Касимовским), в Сказании нет речи о московском княжении царя Симеона. Уделено внимание другому факту: Симеон – инородец, мусульманин, исповедовавший «вѣру проклятаго Бахмета», добровольно принявший крещение. Биография Симеона в «Сказании...» строится вокруг этого события, которое выглядит как победа Ивана Грозного не только над Казанью, но и над «царем Казанским». Торжок выступает как награда за христианский выбор татарского царя.

Симеон проникся любовью к Ефрему и задумал устроить ему деревянную раку (возможно, речь идет о деревянной крышке для каменного гроба). Нанятый им древоделец Гавриил Сопленок задел мощи преподобного, Ефрем явился архимандриту Мисаилу, назвал древодельца «невежей», передал «царю Симеону» просьбу нанять другого мастера. Видение, в котором Ефрем жалуется на повреждение мощей, впервые рассказывает о святом не с точки зрения его древней истории, но с точки зрения его близости и доступности для жителей Торжка. Недавно обретенные в Борисоглебском монастыре мощи, очевидно, нуждались в осмыслении: отсутствие канонического Жития и отмеченная в Краткой редакции некнижная монастырская среда стали почвой для появления народного по своей сути текста. Этот образ святого контрастирует со складывающимся по другим источникам представлением о древнем подвижнике, соратнике князей Бориса и Глеба.

Глава 3 «История почитания преподобного Ефрема в контексте истории Новоторжского Борисоглебского монастыря» посвящена текстовым, изобразительным и материальным свидетельствам почитания Ефрема Новоторжского, начиная с XII в. и оканчивая краеведческой литературой XIX – начала XX вв.

В первом разделе рассматривается описанная в Житии фреска с изображением Ефрема, находившаяся над его ракой в каменном монастырском храме. Древний Борисоглебский собор не сохранился (был разобран в 1784 г.), однако изучение изображений на иконах и анализ плинфы позволили исследователям относить его к группе «башнеобразных памятников полоцко-смоленской традиции, сооруженных в Новгородской земле в конце XII – первой трети XIII в.»¹⁵. Согласно Житию, Ефрем был изображен на утраченной фреске с храмом в руке, – как на ктиторском портрете. Можно предположить, что именно ктиторское или надгробное изображение Ефрема находилось в созданном им на рубеже XII–XIII вв. храме.

Фреска и надпись на ней, а также мощи подвижника, пребывающие в каменной раке, вероятно, стали основой почитания Ефрема после возрождения Борисоглебского монастыря в первой трети XVI в. В двух вариантах Краткой редакции описан также Деисус над ракой святого, напоминающий Деисус Мартирьевской паперти в новгородском Софийском соборе (XII в.). Житие позволяет в некоторой мере представить облик утраченного храма.

Во втором разделе ставится вопрос о времени канонизации Ефрема Новоторжского. В *Краткой редакции* упоминается только архиепископ Великого Новгорода и Пскова Александр (1576–1589), принявший созданную архимандритом Мисаилом Службу Ефрему. Согласно *Пространной редакции*, канонизация совершилась в 1584–1586 гг., при митрополите Дионисии (1581–1586 гг.) и царе Федоре Иоанновиче (1584–1598 гг.). Однако в *Пространной редакции* говорится также об открытии мощей при архиепископе Великого Новгорода и Пскова Леониде (1571–1575 гг.). Этих данных нет в *Краткой редакции*, – возможно, они были опущены в связи с тем, что Леонид скончался в опале. Можно предположить существование какого-либо письменного источника или, скорее, устного предания, в котором сохранилось имя архиепископа Леонида.

При архиепископе Великого Новгорода и Пскова Леониде действительно могла быть сделана попытка канонизации Ефрема по модели Никиты, епископа Новгородского, братьев Алфановых (древних святых, канонизированных при архиепископе Пимене), девы Гликерии и Иакова Боровичского (канонизированных при Леониде). Тропарь Ефрему Новоторжскому,

¹⁵ Преображенский А. С. Неизвестное изображение древнего собора Борисоглебского монастыря в Торжке // Искусство Древней Руси и стран византийского мира. Вып. II: Материалы II научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения В. А. Булкина. СПб., 2012. С. 44. См. также: Малыгин П. Д., Салимов А. М., Зайцев А. А. К изучению плинфы собора Борисоглебского монастыря в Торжке // Архитектурно-археологический семинар: Из истории строительной керамики средневековой Восточной Европы. СПб., 2003. С. 85–92.

получивший распространение уже в рукописях конца XVI в., ориентирован именно на тропарь Иакову Боровичскому («Божественною свыше просвѣтився благодатию...»).

В **третьем разделе** рассматривается Служба Ефрему Новоторжскому, созданная автором первоначального Жития, архимандритом Мисаилом: «По сих же написах и Службу преподобному чудотворцу Ефрѣму, о ней же и возвестих преподобному Александру, архиепископу Великого Новагорода и Пскова» (П I А 29). Как показывает история текста, версия о сложении Службы «благоискусными мужами Торжка» является поздней вставкой в Дополненном варианте Краткой редакции; «священноиноку Иоасафу» также не может быть приписано ни авторство Жития, ни авторство Службы: в Житии ему отведена только роль рассказчика истории о трех братьях-угринах.

Служба целиком ориентирована на последования русским преподобным и сложена достаточно искусно. Многообразие источников Службы и канона показывает кропотливую работу автора по воспеванию образа преподобного Ефрема. Источниками текста стали службы Димитрию Прилуцкому, Сергию Радонежскому, Зосиме Соловецкому, Варлааму Хутынскому, Иоанну Новгородскому, Стефану Пермскому, Ефрему Сирину, а также Допахомиевская служба Кириллу Белозерскому.

Из Службы Борису и Глебу на 24 июля заимствуется один из лейтмотивов Службы Ефрему – образ «Романа с доблим Давидом днесь Христа возлюбивших и сего ради братнее неправедное закление претерпѣвших». Ефрем изображается как очевидец убиения святых князей, не упоминаются ни три брата-угрина, ни глава Георгиева.

Основными источниками канона Ефрему Новоторжскому стали два канона из Службы ярославским чудотворцам Феодору, Давиду и Константину. По мысли создателя Службы, Ефрем должен был быть воспет не только как защитник города, но и как преподобный: поэтому первая часть песнопений канона заимствована из служб Савватию Соловецкому, Павлу Обнорскому, Ефрему Перекомскому.

При выборе песнопений архимандрит Мисаил руководствовался неким образом подвижника, о котором практически не было сведений. Не используются часто встречающиеся в службах-источниках образ «пустыни», служение Богу «от юности», «от млада возраста», «худость ризная», «безмолвие», «ученики» и другие топоры последований преподобным. Отражение находят «воздержание», «пощение», «молитва», «исцеление». Ефрем воспевается в Службе прежде всего в том, что непреложно известно: как основатель монастыря Ефрему. Служба Ефрему стала источником для других последований: Службы на перенесение мощей Арсения Тверского (как показала Г. С. Гадалова) и Службы Мартирию Зеленецкому.

В **четвертом разделе** рассматриваются свидетельства почитания Ефрема. В начале XVII в. имя святого упоминается в «Новом летописце»: описаны молитвы «чудотворцу Ефрему» Михаила Васильевича Скопина-Шуйского перед

битвой под Торжком и Тверским сражением 1609 г. В «Кратком летописце Торжка» Ефрем упоминается как защитник города в 1617/1618 гг. Ни одно из этих чудес не отражается в Житии, которое не дополнялось в первой четверти XVII в. В новых чудесах, добавленных уже к Пространной редакции, Ефрем снова предстает как целитель.

В 1610 г. имя Ефрема было включено в печатный Устав, причем служить святому предлагалось по усмотрению настоятеля, «егда разсудит еклисиарх». Эта же формулировка сохранилась и в других изданиях Устава, вплоть до 1682 г., когда память Ефрема была исключена. Служба Ефрему не попадает в Служебную миную, напечатанную в 1622 г. Житие Ефрема Новоторжского отсутствует в агиографических сводах второй четверти XVII в. – Минеях Четых Германа Тулупова и в Минеях Четых Иоанна Милютина.

Память Ефрема включена в печатные Святцы 1646 г. В Пролог 1661 г. входит Проложное житие Ефрема Новоторжского, созданное на основании Пространной редакции. В 1676 г. в Латухинскую Степенную книгу включается глава о Ефреме Новоторжском, полностью основанная на тексте Проложного жития. В месяцесловных записях XVII в. постепенно складывается форма указания памяти Ефрема с датой 1015 г.: «Ефрем Новоторжский болярин бе святым страсотерпец Бориса и Глеба, в лета 6523-го» (РНБ, Q.I.392 и др.). Эта дата (возможно, именно из этой месяцесловной традиции) впоследствии попадает в Новгородскую третью летопись, созданную в последней четверти XVII в.: «В лѣто 6523. Преподобный отец наш Ефрем Новоторжский бѣ в сия времена»¹⁶.

На протяжении XVII в. Ефрем остается местночтимым святым. Среди вкладчиков обители – царевна Евдокия Алексеевна (1641 г.); князь Федор Семенович Куракин (1644 г.) и др. Значительные вклады в монастырь были сделаны патриархом Иоасафом II Новоторжцем (1667–1672 гг.), постриженником Новоторжского Борисоглебского монастыря.

В XVIII в. Житие больше не дополнялось чудесами, продолжало переписываться в застывшем виде в составе монографических сборников. О новых чудесах святого позволяет узнать житийная икона Ефрема Новоторжского 1712 г., на которой было изображено 14 чудес вместо 12-ти известных.

В **пятом разделе** рассматривается история почитания ученика Ефрема Новоторжского – Аркадия. Имя Аркадия появляется в Житии не сразу (только в Дополненном варианте Краткой редакции), его биография так и не получает описания. Неясный образ святого стал причиной соединения культов двух святых – появления Аркадия Новоторжского и Вяземского, память которого до сих пор празднуется 26 (13) декабря. Рукописные источники сообщают о каждом из святых в отдельности и не соединяют их жизнеописания.

Отдельное *Житие Аркадия Новоторжского* неизвестно, есть только упоминание о святом в Житии его учителя, Ефрема Новоторжского. Почитание Аркадия складывается в Борисоглебском Новоторжском монастыре на

¹⁶ ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3: Новгородские летописи. С. 208.

протяжении XVII в. В списках последней трети XVII в. известны тропарь и кондак Аркадию Новоторжскому, в которых он прославляется прежде всего как ученик преподобного Ефрема. В более поздних списках известна Служба Аркадию Новоторжскому на 13 декабря (нач.: «Отче преподобне Аркадие, от юности своему владыце подобяся...»), центральным мотивом которой также является ученичество Аркадия и близость к Ефрему. Аркадий Новоторжский изображен на иконе Симона Ушакова вместе с Моисеем Угрином и князем Владимиром (1667 г.). Единственный исторический текст, посвященный Аркадию Новоторжскому, – краткая запись «О обрѣтении и о пренесении мощей преподобнаго отца нашего Аркадия чудотворца» в 1677 г.

Аркадий Вяземский имеет иную биографию. В единственном списке известна «Повѣсть о преподобном отцѣ нашем Аркадии» – литературный памятник, составленный в начале XVIII в. (РГАДА, ф. 181, № 684). Заглавие Повести не соответствует описанному в ней подвигу юродства. Начало текста говорит о местном его происхождении и позволяет считать его записью вяземских преданий. Биографические сведения о юродивом Аркадии Вяземском очень кратки, за ними следует описание четырех чудес, в которых Аркадий предстает как изгнатель змей из Вязьмы и защитник города.

В 1679 г. в Вязьму была прислана (вероятно, из Торжка) икона с подписью «святой и преподобный *Аркадий Вяземский и Новоторжский*», в легитимности которой усомнился архимандрит Питирим. Предпосылкой к объединению двух Аркадиев могло стать то, что у Торжка и Вязьмы уже были к этому времени общие святые: известно, что в Торжке существовало местное почитание княгини Иулиании Вяземской. Так, 31 июля 1637 г. великая княгиня Иулиания явилась в Спасо-Преображенском соборе Торжка священнику этого собора Ивану Остолопову и повелела молиться «великому предивному чудотворцу Ефрему Новоторжскому» (Рогож. 636).

В «Описании Новоторжского Борисоглебского монастыря» 1774 г. появляются уникальные сведения об Аркадии, отразившие, по всей видимости, устные предания: «О сем Аркадии пишется, что, родом будучи из города Вязьмы, оставил отечество свое и пришел в наставление к преподобному Ефрему, с которым и был неразлучен до кончины» (ГАТО, ф. 1409, оп. 1, № 580). Совмещенная биография двух Аркадиев окончательно формируется в краеведческой литературе XIX в.

Присоединение памяти Аркадия Вяземского к памяти Аркадия Новоторжского, скорее всего, должно было восполнить недостающие звенья в истории обоих святых: признанность Аркадия Новоторжского соединить с почитаемостью Аркадия Вяземского.

Последние разделы третьей главы посвящены образу Ефрема Новоторжского, возникающему в поздних рукописных источниках, церковно-исторической и краеведческой литературе.

Так, в «Описании Новоторжского Борисоглебского монастыря» 1774 г. сообщается о том, что Ефрем поставил на месте будущего храма каменный крест, «на котором и нынѣ еще видны иностранныя литеры». Крест Ефрема не

фигурирует в других рукописных источниках, но описывается также в позднейшей краеведческой литературе. «Иностранные» литеры на кресте соответствуют венгерскому происхождению святого, который начинает обретать собственные иностранные реликвии, как, например, Антоний Римлянин.

В «*Описании г. Торжка*» (последняя треть XVIII в.) возвеличено значение самого города, уже существовавшего ко времени прибытия Ефрема: «..уже в то время не только был основан и сооружен, но и знатен, потому что за честь, а может быть и за многолюдство онаго города он преподобный в своем монастыре архимандритом был поставлен» (ИРЛИ, оп. 23, № 33). В тексте об истории города находит отражение и сюжет Жития о разорении Торжка тверским князем Михаилом Александровичем в 1372 г.

Особое значение в церковно-исторической литературе имеет *вопрос о дате основания Новоторжского Борисоглебского монастыря*. При всем разнообразии поздней рукописной традиции нам не удалось встретить более раннего упоминания о постройке Борисоглебского храма в Торжке в 1038 г., чем в «Истории Российской иерархии» еп. Амвросия (Орнатского), в издании 1811 г. Происхождение даты, скорее всего, является монастырским. Поводом к точной датировке могло стать конечное обветшание каменного храма, построенного Ефремом, согласно Житию, в промежутке между 1015 и 1053 гг. В «Описании» архимандрита Феофилакта 1774 г. даты основания монастырского собора еще не было. Один из следующих архимандритов, Макарий (1783–1791 гг.), в донесении об аварийном состоянии храма уже называл точную дату.

Итак, 1038 г. как точка отсчета мог возникнуть в последней четверти XVIII в. вследствие необходимости точно указать, насколько древним является ветхий храм Борисоглебского монастыря; подчеркнуть, насколько он значим для русской истории. Это возымело действие: Екатерина II направила средства на сооружение нового собора, который был спроектирован Н. А. Львовым и заложен в присутствии императрицы в 1785 г. При разборе древней церкви в одном из столпов были найдены деревянные священные сосуды, принадлежавшие Ефрему.

В трудах иеромонаха Илиодора¹⁷, архиепископа Димитрия (Самбикина)¹⁸ и других историков отражаются локальные предания о странноприимном доме Ефрема, поставленном на реке Дорогоще («даром гощу»), об одном или трех крестах в основании Борисоглебского храма, о собственных реликвиях святого; наделяется подробностями легенда о Торжке-Коростене. С интересом следить за развитием текста о Ефреме заставляет именно своеобразие первоисточника: рассказ о святом изначально прерывист, содержит много пробелов, оставляет место для домыслов.

¹⁷ Илиодор, иеромон. Историко-статистическое описание Новоторжского Борисоглебского монастыря. Тверь, 1861.

¹⁸ [Димитрий (Самбикин), архиеп.]. Монастыри и приходские церкви г. Торжка и их достопримечательности. Тверь, 1903.

В *Заключении* собраны основные наблюдения, сделанные в каждой из глав, показаны перспективы дальнейшей разработки темы и сформулирован общий вывод об истории почитания местночтимого святого, отразившейся в текстах XVI–XIX вв.

В *Приложении 1* публикуются текст Жития по списку Первого варианта Пространной редакции с девятью чудесами и Похвалой; чудеса и Сказание о перенесении мощей в 1690 г. по списку Второго варианта Пространной редакции; Молитва Ефрему Новоторжскому; Сводная редакция Жития Ефрема Новоторжского, а также Запись об обретении мощей Аркадия Новоторжского и Житие Аркадия Вяземского.

В *Приложении 2* публикуется единственная известная житийная икона Ефрема Новоторжского, написанная в 1712 г. и сохранившаяся только на фотографии (Тв.М ФК КП 8593).

Диссертация сопровождается Археографическим обзором, в котором кратко описаны 46 списков Жития Ефрема Новоторжского и другие рукописи, связанные с почитанием святого. В обзор включены списки служб, молитвы, канона Ефрему XVI–XVIII вв., а также рукописи, впервые введенные в научный оборот: летописные выписки о Ефреме Новоторжском, Синодик Борисоглебского монастыря 1638 г., Опись Борисоглебского монастыря (1697–1700 гг.), Описание Борисоглебского монастыря 1774 г. и другие.

Публикации по теме диссертации

Публикации в изданиях, рекомендуемых ВАК РФ

1. Сказание о царе Симеоне Бекбулатовиче в Житии Ефрема Новоторжского // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 2. С. 194–210. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11022.
2. Поэтика Жития Ефрема Новоторжского // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 2. С. 118–144. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12343.
3. Предания о трех братьях и главе Георгия Утрина в Житии Ефрема Новоторжского // Русская литература. 2023. № 3. С. 85–95. DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-85-95.

Другие публикации:

1. Три брата-угрина: устные легенды и письменный текст // Пятое Лихачевские чтения: Русская культура: история и экология. Материалы конференции. 2016. С. 197–204.
2. Пятый агиографический семинар // Русская литература. 2017. № 3. С. 275–277 (тезисы доклада «К вопросу об истории текста Жития Ефрема Новоторжского»).
3. Пятое Лихачевские чтения // Русская литература. 2017. № 4. С. 252–259 (тезисы доклада «Три брата-угрина: устная легенда и письменный текст»).
4. К истории текста Жития Ефрема Новоторжского // Труды Отдела древнерусской литературы. 2020. Т. 67. С. 175–205. DOI: 10.31860/0130-464X-2020-67-175-205.
5. Сюжет о главе Георгия Утрина в Житии Ефрема Новоторжского // Словесность и история. 2020. № 1. С. 157–159. DOI: 10.31860/2712-7591-2020-1-157-159.
6. Аркадий Вяземский и Аркадий Новоторжский (почитание двух святых в одном имени) // Авраамиевская седмица: Материалы международной научной конференции. Смоленск, 2020. С. 97–106.
7. Краткая редакция Жития Ефрема Новоторжского: к вопросу о начале почитания святого // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2024. Т. 5. С. 166–197.

Находятся в печати:

1. История Ефрема Новоторжского в поздней рукописной традиции и церковно-исторической литературе // Труды Отдела древнерусской литературы. 2024. Т. 71 (в печати).